

Борис Тарасов

БЛОКАДА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Борис Тарасов

Блокада в моей судьбе

Издательский дом «Сказочная дорога»

2012

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

Тарасов Б. В.

Блокада в моей судьбе / Б. В. Тарасов — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2012

ISBN 978-5-4329-0017-3

Книга генерал-лейтенанта в отставке Бориса Тарасова поражает своей глубокой достоверностью. В 1941–1942 годах девятилетним ребенком он пережил блокаду Ленинграда. Во многом благодаря ему выжили его маленькие братья и беременная мать. Блокада глазами ребенка – наиболее проникновенные, трогательные за сердце страницы книги. Любовь к Родине, упорный труд, стойкость, мужество, взаимовыручка – вот что помогло выстоять ленинградцам в нечеловеческих условиях. В то же время автором, как профессиональным военным, сделан анализ событий, военных операций, что придает книге особенную глубину. 2-е издание.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-4329-0017-3

© Тарасов Б. В., 2012
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2012

Содержание

Предисловие	7
О себе, родителях и семье	9
Часть 1	10
Быт военных городков накануне войны	10
У родителей отца в подмосковном городе Серпухове	13
Мы живем во дворце	17
Страницы советско-финского военного конфликта	18
Последние мирные дни	21
Часть 2	22
Отец ушел на фронт, мы вчетвером остались с мамой	22
Первые бомбежки Ленинграда	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Борис Васильевич Тарасов

Блокада в моей судьбе

© Б. В. Тарасов, 2012

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2012

* * *

Предисловие

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга воспоминаний, в центре которой жизнь одной семьи в период Великой Отечественной войны. Как в капле воды отражается стихия океана, так и в судьбе одной семьи можно увидеть немало общего с жизнью всего народа. Надеюсь, что именно поэтому книга окажется интересной современному читателю.

Моему поколению, в том числе и мне, судьбой было уготовано множество испытаний. Мне было девять лет, когда началась война, и я был старшим сыном в многодетной семье кадрового офицера-танкиста. Я встретил Великую Отечественную войну под Ленинградом. Вместе с матерью, тремя младшими братьями и сестрой, которая родилась в студенческом октябре 1941 года, нам пришлось пережить в Ленинграде страшную блокадную зиму 1941–1942 годов. В эвакуации в Кировской области более двух лет вместе с младшими братьями жил в детском доме-интернате.

В Ленинграде, выстоявшем перед немецко-фашистскими захватчиками, встретил Великую Победу. Вместе с отцом побывал в побежденной Германии. После войны в подмосковном Серпухове ради помощи семье вынужден был уйти из шестого класса и встать за токарный станок. Девяти лет от роду, в невероятно трудных условиях, в дни фашистской блокады мне пришлось выполнять множество дел и обязанностей, которые были по силам лишь взрослому человеку.

Могу объяснить это только многочисленными примерами стойкости и мужества, которые я видел со стороны окружающих и, прежде всего, со стороны моих родителей. Несомненно, что во всеобщем проявлении стойкости и патриотизма и состоит великий жизненный урок ленинградской эпопеи.

Известно, что историческая память является одним из условий полноценного бытия любого народа. Это вдвойне важно, когда речь идет о переломных событиях, в ходе которых был проявлен массовый героизм, воля к жизни и борьбе. Для нашего народа таким событием стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов, победа, которая служит, и всегда будет служить источником вдохновения для каждого гражданина России.

Время бежит быстро. Меняются поколения. Темнеет позолота на памятниках героям. Появилось немало охотников переписать нашу историю. Защита от фальсификаций истории Великой Отечественной войны, от искажений Великого подвига советского народа, отстоявшего в невероятно жестокой и кровопролитной борьбе свое право на жизнь и свободу является актуальной задачей для непосредственных участников тех великих событий. В живых их остается все меньше и меньше. Именно этими мыслями я руководствовался при создании этого труда.

Некоторые важные факты Великой Отечественной войны до сих пор остаются малоизвестными, особенно для молодежи. Поэтому я решил, параллельно с моими воспоминаниями, дать краткое современное изложение наиболее значительных событий той поры с позиций профессионального военного человека. Это главы: воспоминания ветеранов о боях на Лужском укрепленном рубеже, краткие факты основных этапов битвы за Ленинград, история создания «Дороги жизни», материалы о героических подвигах бойцов «Невского пятачка». Надеюсь, что включение военно-исторического материала, хотя бы в самом сжатом виде, в ткань книги воспоминаний, будет полезным и интересным современному читателю.

Эта книга не является научным исследованием. Это мои личные воспоминания. Надеюсь, что они могут оказаться полезными для понимания глубины, трагизма и противоречивости той великой эпохи.

С этой надеждой заканчиваю свое короткое вступление и приглашаю читателей в мир тридцатых и сороковых годов двадцатого столетия.

В заключение хочу сказать большое спасибо всем, кто помогал мне в написании и издании этой книги. Особая признательность и благодарность моей жене Валентине Прохоровне Тарасовой, во многом благодаря ее энергии и энтузиазму появилась на свет эта книга.

О себе, родителях и семье

Я, Тарасов Борис Васильевич, 1932 года рождения, внук рабочего, сын кадрового офицера-танкиста. Судьбой мне было предназначено с детства пройти испытания войной, блокадной жизнью в Ленинграде, тяжелой работой на фабрике с неполных пятнадцати лет.

С 1947 года мне пришлось работать на производстве, и я понял тогда, что без среднего образования ничего достойного в жизни не достигну. Поэтому принял твердое решение учиться в вечерней школе. И от этого решения не отступил. Через пять долгих лет работы и учебы получил аттестат об окончании средней школы рабочей молодежи. На фабрике к этому времени мне была присвоена квалификация токаря шестого разряда (всего их тогда было семь).

Осуществляя свою давнюю мечту стать офицером, поступил и с отличием закончил Воздушно-десантное училище.

Получил звание инструктора парашютно-десантной подготовки. Несколько лет был на командной работе, затем мне предложили стать политработником. В Советской Армии прослужил более 40 лет. Последнее воинское звание – генерал-лейтенант. Служить пришлось в 14 военных округах и группах войск. Награжден пятью орденами и многими медалями.

В 1990 году жителями Самарской области был избран народным депутатом РСФСР, стал членом Верховного Совета РФ, руководителем депутатской фракции «Отчизна». В своей жизни и деятельности руководствовался и руководствуюсь патриотическими убеждениями и совестью.

Мой отец, Тарасов Василий Васильевич, 1909 года рождения, родился и вырос в трудовой семье в подмосковном городе Серпухове. Окончил неполную среднюю школу и пошел работать, как было заведено, на фабрику. Он был очень привлекательным brunetом, среднего роста, обладал общительным характером и хорошими ораторскими способностями. В двадцать лет женился. В 1928 году был призван в Красную Армию и впоследствии остался на сверхсрочную службу. В 1931 году переведен в кадры политсостава и стал офицером. Служил ревностно. Каждый переход его из части в часть сопровождался повышением в должности и звании. К началу войны он занимал должность секретаря партийной комиссии при политотделе 24-й танковой дивизии. В годы войны, а затем и после нее, ему пришлось пройти через многие испытания.

Моя мать, Надежда Ивановна, в девичестве Тюкина, 1908 года рождения. В огне гражданской войны осталась без отца и матери. Но она сумела выстоять, получила рабочую специальность. На фабрике познакомилась с отцом и вышла за него замуж. Привлекательная худенькая блондинка стала любящей женой и матерью. Главными чертами ее личности были духовная и физическая стойкость, рассудительность и природный ум.

К началу войны в нашей семье было четверо мальчиков. Я – старший, 1932 года рождения, и мои братья: Володя, Вася и Гена. Рождались мы с промежутками в 2–3 года. Младший, Гена, родился в 1939 году. Поскольку мама была сиротой, а родители отца жили далеко, мне пришлось практически с первых лет жизни быть нянькой для моих младших братьев.

Я помню себя очень рано, лет с четырех-пяти. Самые первые воспоминания – о моих мучениях, когда родителям хотелось сходить вечером в кино или театр, и они оставляли нас одних, взяв с меня слово, что я присмотрю за младшими братьями и уложу их спать. И вот я их нянчу, улюлюкаю, развлекаю как могу, пою песни, младшему сую в рот соску. Когда ничто не помогает, начинаю их шлепать. Чаще всего к возвращению родителей мы, заплаканные, измученные, крепко обнявшись, спали в одной кровати.

Часть 1

Картины пока еще мирной жизни

Быт военных городков накануне войны

Первые мои детские годы прошли в Ленинграде. Жили мы на Фонтанке, в доме номер 90. Вплоть до начала войны отца постоянно переводили служить из гарнизона в гарнизон, и вся наша семья ездила вместе с ним. Впоследствии я узнал, что перед войной такие частые перемещения офицеров по службе были связаны с реорганизациями войск, перевооружением армии, а также, в немалой степени, с имевшими место в те времена репрессиями.

В течение нескольких лет мы успели пожить в военных городках в Пскове, Порхове, Великих Луках. Встретили начало войны в местечке Шувалово под Ленинградом. Семьи младших командиров и политработников жили в коммунальных квартирах, такого понятия, как отдельная квартира, тогда в нашей среде не существовало вообще. В квартире была общая кухня на несколько хозяек. На столах стояли примусы, керосинки, другие кухонные принадлежности. За приготовлением пищи женщины часто развлекали себя песнями. В общем жили дружно, лишь изредка на кухне случались ссоры, а вместе с ними слезы и крики. Но все быстро мирились.

Я, сколько себя помню, был небольшого росточка, худенький, с волнистыми светлыми волосами. В раннем детстве по просьбе женщин с большим удовольствием плясал и пел на кухне песни.

Офицерские семьи в военных городках жили, по нынешним понятиям, очень скромно. Но вместе собирались часто. На праздники обычно пекли пироги, делали винегреты, салаты. На стол ставился холодец, селедочка, грибочки. Пели народные песни, нередко плясали. Хорошо помню, что женщины пили очень мало алкоголя, обычно их уговаривали выпить хотя бы рюмку, это относилось и к моей маме. Быт был очень скромным. В единственной комнате, которую занимала наша многодетная семья, стояли железные кровати, стол, тумбочки и простой шкаф. Причем вся мебель была казенной, при очередном переезде ее сдавали.

Однажды отец получил путевку в санаторий, что тогда было большой редкостью. Вернувшись, он с восторгом рассказывал, что в столовой санатория ему довелось есть яичницу из четырех яиц с колбасой. Мы, дети, приходили в восторг от этого рассказа о неслыханной для нас вкуснятине и роскоши.

Могу определенно сказать, что жизненный уровень военнослужащих поднялся только непосредственно перед войной. Для нашей семьи это, возможно, было связано со служебным ростом отца и, соответственно, с повышением его денежного оклада. В это время на нашем столе, и только по праздникам, стали появляться такие деликатесы, как копченая колбаса и шоколадные конфеты.

В воинских частях настоящим культом была боевая подготовка. День и ночь шли стрельбы, вождение боевых машин. Часто проводились так называемые газовые, химические тревоги, во время которых все без исключения, в том числе женщины и дети, должны были ходить в противогазах. Организовывалось множество всяких соревнований, в том числе по бегу, стрельбе, вождению, выполнению различных нормативов. Семьи военнослужащих часто приглашались на показательные стрельбы, соревнования по вождению танков. На самых видных местах вывешивались портреты отличников и передовиков боевой подготовки.

На всю жизнь запомнились мне соревнования по вождению танков. Это было в воинской части, которая стояла в городе Порхове нынешней Псковской области. Большая группа вои-

нов, женщин и детей собралась около трамплина. Танки предварительно разгонялись и на полном ходу влетали на высокий и крутой трамплин, преодолев который продолжали движение по воздуху, то есть практически летели, причем довольно далеко. Несомненно, водители этих танков были не только дьявольски смелы и отважны, они прежде всего являлись настоящими мастерами своего дела. Преодолев это препятствие, танки начинали стрельбу по макетам танков, как выяснялось потом, с прекрасными результатами.

Всем присутствующим показывали пораженные ими мишени. Танки, которые так блестяще прыгали с трамплинов, были БТ-7, они являлись прототипами американского танка «Кристи».

Впоследствии, горьким летом 1941 года, в дни чудовищных поражений, я часто думал: а где же они, эти танкисты, эти мастера огня и маневра? Ответ на этот нелегкий вопрос удалось найти лишь спустя много лет.

В воинских частях того времени ключом была общественная жизнь.

Действовали коллективы художественной самодеятельности, работала масса всевозможных кружков, начиная от Осовиахима (тогдашний ДОСААФ), до различных прикладных – стрельбы, вождения автомобилей, вплоть до шахматных и художественной самодеятельности. Так и помню себя, лет наверное от трех до пяти, стоящим рядом с мамой в хоре и старательно поющим.

Кстати, эта школа общественной жизни не прошла бесследно. Спустя многие годы, когда мне пришлось руководить большими коллективами, я всегда начинал свою работу с налаживания общественной работы и, прежде всего, с художественной самодеятельности. Не раз убеждался, что это очень верное и надежное средство повышения тонуса и сплоченности любого коллектива.

В 1937 году мне было всего пять лет, но этот год прочно остался в моей памяти. Он запомнился страхом, проникшим в души людей, в том числе и детей, в связи с проходившими тогда репрессиями.

Трудно объяснить, но, видимо, тревога родителей, страх, который их охватывал, особенно по ночам, передавался и нам, детям. Отчетливо помню такие моменты: ночь, какое-то тревожное ожидание взрослых. Все прислушиваются к звукам на улице.

Вдруг слышим – по лестнице стучат сапоги. Все замираем. Но шаги минуют наш этаж, поднимаются выше. Родители облегченно вздыхают. Через какое-то время сапоги звучат вновь, спускаются вниз – и снова напряжение: не остановятся ли они на обратном пути около нашей двери? Нет, проходят мимо. Только тогда наступает облегчение.

Утром узнаем, что кого-то из офицеров ночью забрали как врага народа. Следующей ночью все повторяется. Однажды, выйдя из дома, увидел сидящую на скамейке женщину, жену одного из сослуживцев отца, которая горько плакала и сквозь слезы повторяла:

– Ну какой же он враг, что он мог сделать плохого, ведь он весь день на службе!

Эти потрясения не забылись и не стерлись из памяти. Трагедия этих лет, совершенно не заслуженная нашим народом, не обошла даже нас, маленьких тогда детей, и навсегда оставила тяжелый и глубокий след в душе и сознании.

Я до сих пор уверен, что не случилось бы такого страшного разгрома нашей армии немцами в 1941 году, если бы накануне войны не были репрессированы выдающиеся командиры, мастера военного дела.

Предвоенные годы были временем абсолютного атеизма. Тем не менее церкви повсюду действовали и никто никому не запрещал их посещать. Мои родители были атеистами, причем убежденными. Естественно, мы, дети, росли некрещеными. Но мать отца, наша бабушка Мария Николаевна, жившая в Серпухове, была очень верующей и страдала от того, что ее внуки некрещеные. Она нередко приезжала к нам в гости и каждый ее приезд сопровождался ожесточенными спорами с родителями по этому поводу.

И вот в свой очередной приезд в Ленинград, в 1937 году, бабушка, видимо, решила приобщить меня к религии. Мы с ней отправились в церковь, которая находилась недалеко от Витебского вокзала (кстати, она и сейчас там находится). До этого я в церквях не был, и увиденное меня просто ошеломило. В огромном пространстве храма царила полутьма. В светильниках, закрепленных на стенах, горели свечи. Из-за большого количества народа в помещении было очень душно. Причем в тот момент, когда мы вошли, все люди стояли на коленях. Бабушка тоже встала на колени и, несмотря на мое сопротивление, заставила меня встать на колени рядом с ней. Начали потихоньку продвигаться к месту, где проходило главное действие. Наконец придвинулись вплотную к кафедре, за которой стоял священник в золотом облачении. Рядом с ним находился священнослужитель огромного роста, с большой черной бородой, как я потом выяснил – дьякон. Я к этому времени был уже изрядно измучен физически и в таком состоянии оказался лицом к лицу со священником. Он торопливо сунул мне в рот ложку вина, вручил просвиру и что-то произнес скороговоркой.

И вдруг в этот момент стоящий рядом дьякон возгласил что-то оглушительным басом. От неожиданности и испуга я громко расплакался.

Это первое мое посещение храма не приблизило меня к церкви, скорее наоборот. Однако должен признать, что переживания, которые я перенес при этом посещении, оставили в моем сознании определенный след. Главным, пожалуй, было то, что у меня возник интерес к феномену религии. Со временем я стал интересоваться библией, другой духовной литературой, появилось желание посетить известные храмы, соборы, стремление разобраться в источниках влияния религии на сознание и души людей.

У родителей отца в подмосковном городе Серпухове

В 1938 году отец отвез меня пожить к его родителям в Серпухов. Пробыл я там около года. Мои дедушка, бабушка, их сын – взрослый брат моего отца, дядя Володя – жили все вместе в одной комнате, в коммунальной квартире. Дед мой, Василий Семенович Тарасов, работал на ситценабивной фабрике, был известным в городе человеком, коммунистом еще со времен гражданской войны, славился на производстве как отличный слесарь. Он подарил мне собственноручно сделанный перочинный ножик, в котором было 12 различных лезвий. Бабушка, Мария Николаевна, работала на ткацкой фабрике, вела домашнее хозяйство. Была очень крепкой характером и несколько деспотичной. Мой дядя, Владимир Васильевич, 1921 года рождения, тоже работал на фабрике. Несмотря на то, что вся семья работала, жили очень скромно. Основной пищей в те годы были: картошка, каша, селедка, килька, черный или серый хлеб.

Семья обычно собиралась вместе вечером, за ужином. Над столом горела одна лампочка с самодельным абажуром. Люстры в то время были роскошью. К процессу еды относились с уважением, ели неторопливо, много не разговаривали. Правда, иногда дедушка вместе с дядей заводили бабушку, иронизируя по поводу ее пристрастий. Но в таком случае бабушка предпринимала ответную контратаку. С этой целью она нередко подговаривала меня спрятать то дедов кисет с табаком, то его очки. Все заканчивалось смехом и шутками. Правда, иногда семейные разговоры принимали серьезный оборот. Помню, что однажды бабушка заспорила с дедом по поводу каких-то ущемлений церкви, в которую она ходила. Вот здесь я впервые услышал от нее, что учение Ленина очень близко проповедям Христа. Почему-то эта мысль мне очень запомнилась.

Помню еще, что очень неприязненным среди людей было отношение к троцкистам, бухаринцам и прочим «героям» проходивших тогда политических процессов. Возможно, за этим стояла умелая работа политической пропаганды, а может быть, инстинктивная поддержка народом линии Сталина. Ведь тогда в стране происходило много такого, что радовало людей. В массовом порядке создавались новая техника и технологии, простые граждане овладевали знаниями и высотами науки. Строились громадные заводы, десятки новых городов, каналы. Людей не разделяла власть денег. Страна знала своих героев. Даже мы, дети, знали имена прославленных летчиков, полярников, шахтеров, воинов.

В разговорах между собой люди очень положительно отзывались о разгроме японцев на озере Хасан и у реки Халхин-Гол. В последние перед Великой Отечественной войны годы начало заметно улучшаться снабжение населения продуктами питания, что, естественно, радовало всех.

Сохранились в моей памяти и случаи проявления отрицательного отношения народа к некоторым действиям властей. Вспоминаю, как однажды дядя Володя с придыханием, понижая голос, говорил о каком-то знакомом ему человеке, что он «стукач», связанный с органами НКВД. Впоследствии я на многих примерах убеждался, что таких людей в народе не любили. Кстати, сегодня на основе имеющейся информации можно сказать, что существовавшая тогда система доносительства, тайного сыска, была малоэффективной во всех отношениях. Более того, она приносила большой вред, вызывала у людей ощущение, что власть им не доверяет, создавала в коллективах обстановку подозрительности, наущничества.

Но вернемся к воспоминаниям о повседневной жизни. Общая атмосфера в семье дедушки, как и во многих других семьях, была довольно простой и легкой. В выходные дни иногда пили водку, но немного, для этого покупали «четвертинку».

На завершение трапезы было чаепитие. «Заведовать» самоваром поручали мне. Порядок работы с ним был примерно такой: предварительно в самовар нужно было залить воду, потом

заправить в трубу древесный уголь, подготовить на растопку какие-либо щепочки и, наконец, разжечь их.

Если огонь плохо разгорался, то для его активизации применялся обычно старый сапог. С его помощью в трубе самовара создавалась дополнительная тяга. По мере согревания самовар начинал гудеть, парить, иногда свистеть, что создавало особую обстановку уюта. Наконец самовар готов, и его водружали на стол.

Сахар покупали кусковой, употребляли вприкуску, то есть когда сахар не кладется в стакан, а откусывается кусочками и запивается чаем. В целях экономии специальными щипцами кололи сахар на мелкие кусочки. С чаем очень любили есть баранки.

После рюмочки водки обычно пели песни. Пели все. Я с удовольствием подпевал. Чаще всего пели «Когда б имел златые горы» и другие народные песни. Дядя Володя хорошо играл на гитаре и мандолине, участвовал в фабричном оркестре. Естественно, что он был главным в этих семейных посиделках.

Вечернее время имело и свой общедворовый порядок. После работы и ужина жители дома выходили во двор и стихийно организовывались в группы по интересам. Некоторые играли в домино, много было любителей шахмат. Тут же горячо обсуждали последние новости международной политики. Те, кто помоложе, играли в волейбол, городки. Если на улице было тепло, мы с бабушкой и дедушкой также отправлялись во двор продолжить вечер совместно с соседями.

Быт и одежда были очень скромными. Праздники отличались двумя основными продуктами – пирогами и холодцами. Скудость материальной жизни не препятствовала проявлениям оптимизма и активности людей.

В городе процветал дворовый спорт. Почти у каждого дома была волейбольная площадка, где постоянно шла игра. Каждое предприятие имело свою футбольную команду. Постоянно кипели страсти вокруг команд, игроков, первенств. Большой популярностью пользовались шахматы.

Нравы были простые, но здоровые. В то время Подмоскovie переживало увлечение разведением певчих птиц. Получила развитие целая индустрия ловли птиц, работали птичьи рынки, постоянно проводились соревнования крылатых певцов. Во многих квартирах были клетки с птицами. Вечерами на скамейках у дома шли жаркие дискуссии о качествах тех или иных певчих птиц. Мне довелось вместе с дядей Володи́й провести много времени в засадах по поимке птиц. Для этого существовали специальные сети. Если повезет, то некоторых пойманных птиц продавали таким же любителям. Очень многие увлекались разведением голубей. Около каждого дома обязательно были голубятни. Был даже специальный рынок, где торговали голубями, птичьим кормом, клетками, различными приспособлениями. Особо элитные голуби высоко ценились, постоянно выставлялись на соревнованиях.

С этими голубями однажды я попал в неприятную историю. Дело в том, что мой дядя Володя был очень веселым и жизнерадостным молодым человеком. Кроме того, что он был заядлым голубятником, он любил спорт, а также очень хорошо играл на мандолине. В то время в городе широко была развита художественная самодеятельность, и дядя Володя постоянно выезжал на концерты в клубы различных предприятий и деревень. И вот как-то он уехал на концерт, а мне поручил к вечеру выгулять голубей, у него их было не менее двадцати, большинство – довольно ценные.

В назначенное время я взял длинный шест, специально изготовленный для того, чтобы поднимать голубей, и поднял всю стаю в небо. В этот момент кто-то из-за забора подбросил красивую голубку. В мгновение ока она увела за собой всю нашу стаю. Такой был прием увода чужой стаи. Против этого, видимо, были какие-то контрмеры, но я их не знал, и дело закончилось печально. Мне досталось от дяди Володи, что называется, по полной программе, правда, до тумачков дело не дошло. Вечером состоялся, как говорится, разбор полетов уже в присут-

ствии всей семьи. Бабушке стало меня жалко, и она встала на мою защиту, обвинив дядю Володю в том, что он меня плохо проинструктировал.

Однажды, находясь в отпуске, дедушка сводил меня на фабрику, где он работал. Это было довольно крупное предприятие, предназначенное для окончательной отделки хлопчатобумажных тканей. В течение суток на фабрике отделялось полмиллиона метров тканей. Эти ткани – ситцы, сатины, бязи и другие – были очень красивые. Большая их часть шла на экспорт.

На фабрике, построенной еще до революции, почти все оборудование было иностранного производства, поэтому в те годы здесь работало много иностранных специалистов, преимущественно немцев. Во время гражданской войны все они вернулись на свою родину. Фабричные корпуса из красного кирпича выглядели очень добротно. Особенно мне понравился граверный цех. Этот цех был похож на дворец, с большими окнами, высокими потолками, выложенными цветной плиткой полами. Здесь очень квалифицированные мастера-граверы исполняли на медных валах рисунки, которые потом переносились на ткани.

Посещение фабрики оставило в моем сознании сильное впечатление.

Я, выросший в военных городках, вдруг понял, что кроме армии существует иной, большой и интересный мир.

«Ничто на земле не проходит бесследно» – поется в одной известной песне. Так и это посещение фабрики не осталось бесследным в моей жизни. Когда мы уходили с фабрики, один из рабочих, дедушкин знакомый, спросил его:

– Что, внука привел себе на смену?

На что дедушка ответил:

– Да, скоро будет пополнение нашему рабочему классу!

Я удивленно посмотрел на дедушку: сын танкиста, я мечтал только о танках, боях и победах. Но дед как в воду глядел. Разве тогда мне могло прийти в голову, что через каких то 7–8 лет, по существу еще ребенком, я приду на эту фабрику, буду долгих пять лет работать в механическом цехе.

Остался в памяти также яркий след от празднования в Серпухове Первого мая 1939 года. В это утро, нарядившись в лучшие одежды, мы с дедушкой и бабушкой пошли к фабрике, на место сбора участников демонстрации. День был солнечным и теплым. В сквере, возле фабричной проходной, уже играл оркестр, продавалось множество разных вкусных вещей. Постепенно собирался народ, все были нарядно одеты и празднично настроены.

Когда все собрались, устроители быстро сформировали колонну, которая дружно направилась в сторону центра города. Колонна пестрела множеством лозунгов, транспарантов, флагов, портретов вождей, надувных шаров и зеленых веток с цветами. Пройдя около полукилометра, влились в общегородскую колонну демонстрантов. Шествие было очень впечатляющим. Играли фабричные и заводские оркестры, стихийно возникали самодеятельные концерты, на ходу исполнялись песни, частушки, демонстранты плясали и декламировали стихи. Время от времени провозглашались лозунги, которые народ охотно и весело поддерживал.

Наконец подошли к центральной площади, где на трибуне стояли руководители города и передовики производства. Проходя мимо трибуны, демонстранты дружно поддерживали здравницы в честь Сталина, партии, трудовых коллективов.

Я, семилетний мальчишка, своей детской душой почувствовал искренность всего происходящего. Никогда больше я не видел на демонстрациях такого истинного и единодушного народного торжества.

Внезапно, летом 1939 года, в возрасте 54-х лет, от сердечного приступа умер дедушка. На похороны пришло очень много людей, его фабричных товарищей, с кем он трудился почти всю свою честную трудовую жизнь. Они провожали его пешком от дома до кладбища. Впереди похоронной процессии медленно ехала машина, на которой был установлен гроб. Я сидел

рядом с покойным дедушкой и впервые в жизни испытал глубокое чувство скорби. Таким мне запомнился город Серпухов накануне войны.

Таким он уже больше никогда не будет.

Мы живем во дворце

После похорон бабушки, летом 1939 года, отец привез меня к очередному месту своей службы, в местечко Шувалово под Ленинградом, недалеко от поселка Парголово. Здесь, в Шуваловском дворце, размещались курсы младших политруков. В этом дворце отцу предоставили первую за его службу отдельную квартиру, весьма просторную, с большими окнами и красивой изразцовой печкой, на потолках сохранились элементы художественной лепки. Мы стали заметно лучше жить. У мамы появилось красивое зимнее пальто кофейного цвета с меховым воротником, платья, блузки из крепдешина, туфли на высоких каблуках.

Хорошо помню это, поскольку практически все эти вещи были проданы мамой в голодное время, и таким образом они очень выручили нас. Родители принарядили и нас, детей. Я, в частности, щеголял в матросском костюмчике. Запомнилась новогодняя елка, которую мы роскошно украшали конфетами, шоколадками и прочими вкусными вещами, о чем не раз вспоминали затем в дни блокадного голода.

Летом я осваивал окрестности, начал учиться плавать. Зимой мне очень понравилось кататься на лыжах, благо места там для этого благодатные. До сих пор стоят в памяти огромные пологие спуски, на которые вначале приходилось подолгу взбираться, а затем, испытывая восторг, стремительно нестись вниз. На специальных лыжных трассах там постоянно проводились различные соревнования, и мне довелось увидеть там настоящих мастеров лыжного спорта.

Страницы советско-финского военного конфликта

Советско-финская война осталась в тени последующей Великой войны, поэтому о ней молодому поколению нашей страны известно немногое.

Но в годы, предшествующие Второй мировой, тема отношений Советского Союза и Финляндии постоянно была предметом обсуждения среди людей. Имена финских руководителей той поры – К. Маннергейма, А. Свинхувуда – были объектами резкой критики в печати, на митингах, в беседах, которые регулярно проводились с членами семей военнослужащих. Особо зловещая репутация была у финской военизированной организации – щюцкор. У нас, детей, это слово ассоциировалось с какой-то злобной силой.

Вскоре после моего приезда из Серпухова, в ноябре 1939 года, началась советско-финская война. Цель нашей страны в этой войне была известна – в преддверии неминуемой войны с Гитлером обезопасить Ленинград, отодвинув от него границу. Финны, естественно, этого не хотели.

Наш военный городок находился буквально в нескольких десятках километров от линии фронта, можно сказать, в прифронтовой полосе. По этой причине в гарнизоне нередко проводились тревоги, смотры, часто приезжали большие начальники. По шоссе постоянно двигались войска.

Помню, не раз возникал вопрос о эвакуации семей военнослужащих. Нередко отец выезжал в командировки. Такая обстановка и для нас, детей, создавала тревожный фон.

Для членов семей военнослужащих регулярно проводились политинформации, так что общу и военную обстановку мы знали.

Однажды, когда эта война уже завершилась, во время очередной лыжной прогулки по окрестностям я наткнулся на огромное кладбище нашей техники – поврежденных, точнее, полностью разбитых грузовиков, автобусов, легковых машин. Их было не меньше тысячи, а, может, и больше. Позднее я узнал, что на военном языке это называлось СППМ (сборный пункт поврежденных машин). Громадное кладбище разбитых машин так меня поразило, до сих пор стоит оно у меня перед глазами. Это детское впечатление по какой-то ассоциации сказалось на возникшем у меня интересе к различным перипетиям советско-финской войны.

Спустя много лет, когда военная судьба занесла меня для дальнейшей службы в Ленинград, мне удалось встретиться и побеседовать с ветеранами той войны, ознакомиться с многими документами. Вокруг этой войны до сих пор ведется множество споров, бытует немало мифов. Я остановлюсь лишь на некоторых моментах, которые и сегодня представляют несомненный интерес.

Вне всякого сомнения, это была очень тяжелая и кровопролитная война. Она продолжалась немногим больше трех месяцев. За это время общие наши потери составили 380 тысяч человек. В этом отношении она сравнима с самыми кровопролитными сражениями Великой Отечественной войны.

Вести боевые действия пришлось в суровых зимних условиях, среди обильных снегов, при сорокаградусных морозах, часто ураганных ветрах. Только число обмороженных составило более шести тысяч человек. Боевые действия начались сразу на большом протяжении границы, но главные усилия сторон были сосредоточены на Карельском перешейке. Здесь финны создали мощную линию укреплений – «линию Маннергейма», как ее тогда называли. Нашим войскам, чтобы пройти к столице Финляндии, нужно было прорвать эту линию. Для этого на границе сосредоточили большое количество войск и артиллерии. Политическое руководство страны требовало от военного командования как можно быстрее решить поставленную задачу.

Однако быстрого прорыва не получилось. Выяснилось, что Красная Армия не вполне готова к прорыву долговременной обороны противника.

Попытка большими силами из Карелии прорваться в центральную Финляндию также не принесла успеха, напротив, обернулась для наших войск серьезными потерями. В условиях бездорожья, глубоких снегов дивизии завязли в пробках, лишились снабжения, стали легкой добычей маневренных финских сил. И лишь после двух месяцев тщательной подготовки казавшаяся непреодолимой линия обороны финнов на Карельском перешейке все же была прорвана, и финны запросили мира.

На этой войне было много неудач и разочарований. Наши танки, на которые возлагалось столько надежд, оказались непригодными для прорыва укрепленной обороны противника. Они обладали только противопульной защитой и не могли защитить от артиллерийского огня.

Это заставило нашу военную науку и промышленность ускорить работы по созданию и производству новых современных образцов бронетанковой техники. В ходе боев выяснилось, что артиллерия не обучена приемам, обеспечивающим прорыв укрепленной обороны противника.

В условиях бездорожья и глубоких снегов Карелии маневренные отряды финских лыжников, оснащенных автоматическим оружием, показали полное превосходство над привязанными к дорогам, слабо управляемыми советскими войсками. И вообще эта война продемонстрировала преимущество хорошо подготовленного, духовно сильного воина.

Для наших воинов наиболее одиозной фигурой на этой войне была «кукушка». Тогда так называли финского снайпера, который, хорошо замаскировавшись, сидел на дереве и поражал метким огнем все, что оказывалось в поле его видимости. Его трудно было обнаружить. Одна такая «кукушка» могла на целые часы парализовать движение войск. Когда к этому снайперу приближались, он вставал на лыжи и скрывался в чаще леса.

Высокие требования политического руководства страны, исключительно сложные условия ведения боевых действий стимулировали поиски новых, более эффективных методов подавления противника, использования боевой техники – впоследствии все это было использовано в ходе Великой Отечественной войны.

Особенно много нового внесли артиллеристы. На этой войне был широко применен способ ведения огневого вала, суть которого состояла в подготовке рубежей ведения огня и последовательного их переноса в ходе боя.

Артиллеристы также освоили метод сопровождения пехоты огнем и колесами, при котором орудия ставили на лыжи, применяли и другие приспособления для повышения их проходимости.

Артиллерия не отставала от пехоты и оперативно поражала цели противника. При прорыве «линии Маннергейма» широко был применен метод ведения огня прямой наводкой орудиями крупного калибра.

Необычность его состояла в том, что эти орудия изначально предназначены были для ведения огня с крутой траекторией полета снаряда, что обеспечивало высокую дальность стрельбы, но не давало высокой точности попадания снаряда. Жизнь, как говорят, заставила изменить способ применения. Стрельба прямой наводкой позволила заметно повысить ее меткость по финским дотам, обеспечить их разрушение.

Другим эффективным методом разрушения дотов стало применение штурмовых групп. Их создание было результатом народного творчества и смекалки. Небольшие смешанные группы пехотинцев, танкистов, саперов, используя различные способы, подбирались к доту и подрывали его зарядами взрывчатки.

В ходе войны заметно улучшилось управление войсками. 15 февраля 1940 года две наши армии, 7-я и 13-я, начали штурм «линии Маннергейма». Но успех имела лишь одна из многих дивизий – 136-я стрелковая, которая прорвала первую полосу обороны финнов. Кстати сказать, в январе 1943 года именно она первой добилась успеха при прорыве блокады Ленинграда.

Новизна последующих действий наших войск состояла в том, что вслед за ней в прорыв были введены еще две дивизии, которые обеспечили развитие успеха.

Когда финны начали отступление, наше командование широко применяло действия подвижных отрядов, которые не позволили финнам оторваться от преследования и организованно занять последующие рубежи обороны.

В ответ на действия финнов, которые, пытаясь спасти положение, затопили окрестности города Выборга, был применен необычный метод наступления. Частью сил 7-й армии со льда Финского залива был нанесен удар в тыл Выборгской группировке противника. Этот удар имел полный успех и завершился штурмом города Выборга и последующим прекращением войны.

Как видим, наша армия умела учиться на ошибках и поставленную перед ней задачу успешно выполнила.

События этой войны имели много больших и малых последствий. Серьезные источники указывают на то, что неудачи Красной Армии в этой войне послужили основанием для недооценки ее сил и возможностей в стане Гитлера. Он, а за ним и германский генеральный штаб стали исходить из предпосылки, что Красная Армия – это колосс на глиняных ногах. Это мнение, в числе других мотивов, поторопило их с принятием решения о нападении на Советский Союз.

В свою очередь, поражение в этой войне и реваншистские настроения подтолкнули руководство Финляндии к принятию решения о союзе с гитлеровской Германией и вступлении в войну с Советским Союзом.

Последствия этого решения хорошо известны: значительную часть стального кольца блокады, мертвой хваткой сцепившего живое тело Ленинграда, держали финны.

В этой войне командирами и бойцами Красной Армии были проявлены образцы героизма и жертвенности, и очень жаль, что многие из них остались неизвестными, ушли в тень последующей Великой войны.

Советско-финская война – показательный урок, который подтверждает верховенство политики над военными средствами разрешения конфликтов. Но он же свидетельствует, что политическое верховенство в военных конфликтах не должно быть абсолютным. Именно оно привело к спешке, большим человеческим потерям и снижению военного авторитета страны на международной арене.

Последние мирные дни

Лето 1940 года запомнилось военными победами Германии. Всех поразило сокрушительное поражение Франции, а затем и других стран. Особую роль в этом сыграли германские бронетанковые войска. И потому в Красной Армии было срочно увеличено количество танковых войск.

Это мы вскоре ощутили на собственной судьбе. Помню из этого времени один момент. Однажды в обеденный перерыв отец пришел домой очень расстроенный. Он бросил на стол газету «Правда» и крикнул маме:

– Надя, иди прочитай!

Я тоже очень заинтересовался, но отец заявил, что я еще слишком мал для такого чтения. Мне все же удалось увидеть, что в газете была фотография Председателя Правительства нашей страны В. М. Молотова рядом с фюрером Германского рейха Адольфом Гитлером и другими нацистскими вождями. По всей видимости, речь в статье шла о заключении пакта Молотов – Риббентроп. Далеко не все люди в то время, в том числе и коммунисты, могли спокойно воспринимать столь крутой поворот в политике наших вождей – от классовой ненависти к дружбе с фашистской Германией.

В 1940 году в этом поселке я пошел в первый класс. Школа находилась в большом кирпичном трехэтажном здании.

Первое сентября мне запомнилось совершенно неожиданной для школьного двора картиной: один десятиклассник гонялся за другим с ножом.

Стоявшие невдалеке старшеклассники спокойно объясняли интересующимся ученикам и родителям, что эти ребята не поделили девушку. Дело, впрочем, закончилось благополучно. Это еще раз подтвердило, что любовные страсти кипят при любой власти и идеологии.

Учился я с удовольствием и первый класс в 1941 году закончил с отличием.

Вот так, за большими и малыми делами бежали дни навстречу великой народной трагедии.

Часть 2

Начало Великой Отечественной войны

Отец ушел на фронт, мы вчетвером остались с мамой

Примерно за месяц до начала Великой Отечественной войны отец был переведен на службу в город Пушкин, а мы продолжали жить в Шувалово. Обычно он приезжал к нам на выходной, в субботу, поближе к вечеру. Приезжал на мотоцикле с коляской, и мы всей семьей встречали его недалеко от ворот, как называют военные – у КПП.

Точно так же вечером в субботу, 21 июня 1941 года, мы пошли в обычное время на привычное место встречи отца. Был ласковый, теплый, летний вечер. Довольно долго мы прогуливались всей гурьбой. Наше ожидание подогревалось еще и тем, что отец обычно привозил каждому из нас какие-то гостинцы. Однако время шло, а отца все не было.

Мы слегка встревожились, тем более что среди местных военных в это время происходило нечто необычное. Ощущалась какая-то суета, через КПП въезжали и выезжали машины. Успокаивая себя тем, что мало ли что бывает на военной службе, мы отправились домой. Связи с отцом у нас не было, так и не дождавшись его, мы легли спать.

Ночью я проснулся от грохота. Поскольку вырос в военных гарнизонах, быстро сообразил, что идут танки. По стене мелькали отсветы их фар. В этом освещении я увидел отца. Он был в полевой форме и сидел на кровати матери. Заметив, что я проснулся, подозвал меня к себе и тихо сказал:

– Сынок, война.

Я даже не спросил его, с кем война, поскольку в то время все понимали, что война может быть только с фашистской Германией.

Отец крепко прижал меня к себе и, глядя на спящую малышку, продолжил:

– Сынок, я ухожу на фронт. Ты остаешься за старшего, помогай маме. Вам будет очень трудно. Наверняка сразу же введут продовольственные карточки. Поэтому как только рассветет, все вместе отправляйтесь в магазин и закупите на все деньги любые продукты, какие только вам продадут. По возможности, буду писать.

Он торопливо расцеловал маму, меня, братьев, которые один за другим проснулись от наших голосов, и ушел. Я до сих пор помню глаза молодой, тридцатидвухлетней мамы, которыми она смотрела вслед уходящему на фронт отцу.

Ведь она оставалась совершенно одна с четырьмя малолетками на руках и, как я скоро узнал, будучи беременной на пятом месяце.

Но она не стала нас пугать плачем или воплями. Быстро справилась с собой, торопливо оделась, помогла одеться мне, и мы с ней пошли к шоссе, по которому двигались боевые машины. Здесь уже стояла толпа людей и молча наблюдала за проходом техники. Была ленинградская белая ночь. По шоссе вразнобой шли танки, броневики, грузовики с орудиями на прицепе и много всякой другой техники. Все это выглядело впечатляюще.

Механики-водители танков сидели по-походному, то есть головами наружу, вне корпуса танка. На полигонах и танкодромах я видел, на что способны эти танкисты на своих боевых машинах. И сейчас, наблюдая за ними, я не сомневался, что фашистам придет скорый конец.

Позже мы узнали, что 24-я танковая дивизия, в которой служил отец, в эту ночь совершала ночной марш на Карельский перешеек. Там она участвовала в боях с финнами.

Утром мы всей семьей отправились в магазин.

Здесь уже было много народу. Выстояв очередь, купили какие-то продукты.

Вернувшись домой, мама сшила три небольших мешочка, в которые всыпала купленную крупу. Запомнилось, что два мешочка были с рисовой крупой и один с гречневой. Как бы в шутку, мама сказала:

– Дети, это будет наш «НЗ»!

Сказала, и как в воду глядела. Эта крупа в голодную пору спасла нам жизнь. Мама не варила ее до самой осени. Она делала это сознательно, ибо наши родители имели за плечами опыт голодных лет в гражданскую войну. В 1918 году мамин отец был призван в Красную Армию, а ее мать вскоре тяжело заболела и умерла. И моя мама осталась совершенно одна, а ей тогда, как мне сейчас, было неполных 10 лет. Кругом царил голод. Продовольственных карточек в то время вообще не было. Ей пришлось жестоко голодать, побираться, жить где придется. По ее признанию, она, конечно же, погибла бы. Но спас случай. Приехал на побывку отец, который тревожился за ее судьбу. С большим трудом он нашел ее и пристроил к хорошим людям, у которых она пережила время гражданской войны.

И словно по чьей-то злой воле ее трудную судьбу предстояло повторить ее детям.

В этот же день, едва мы вернулись из магазина, по квартирам начали бегать посыльные. (В то время каждый офицер имел закрепленного за ним курсанта, который посылался за ним в случае какой-либо необходимости, ведь телефонов в квартирах не было.)

Посыльные приглашали семьи всех офицеров прийти немедленно к зданию штаба. На вопросы «зачем идти?» отвечали, что будет важное сообщение. Дело в том, что в квартирах офицеров не было не только телефонов, но и радиоприемников.

Единственный репродуктор висел на столбе около штаба. Естественно, все, и стар и млад, побежали к репродуктору. Прибежали и мы всей семьей.

Здесь мы услышали выступление В. М. Молотова о том, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Запомнились ставшие крылатыми его слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами». Люди слушали молча и также молча, без обсуждения, расходились. Помню, что психологическое воздействие этой речи на людей было очень сильным, близким к шоку. Всем стало ясно, что неожиданно на нас обрушилась страшная беда.

Это выступление В. М. Молотова я запомнил на всю жизнь, настолько глубоко оно залегло в мою детскую душу. Впоследствии я хорошо понял, как это важно: уметь найти и произнести такие слова, которые станут для миллионов людей программой действия.

Почему же война стала для нашей страны неожиданной? Ведь на границах государства накануне войны были сосредоточены пять с лишним миллионов вражеских солдат, масса боевой техники. К этому времени враг уже отдал все необходимые распоряжения и приказы. По разведывательным данным об этом было доподлинно известно руководителям страны и лично И. В. Сталину.

Вопреки всем этим обстоятельствам, нападение фашистской Германии оказалось неожиданным не только для нашего народа, но и для армии. В результате в первые дни и месяцы войны врагу были сданы огромные территории, погибли и были захвачены в плен сотни тысяч солдат и офицеров.

При этом, как я узнал уже гораздо позднее, накануне войны принимались специальные меры, чтобы убедить народ в том, что войны не будет. В приграничные военные округа даже рассылались группы лекторов, которые убеждали в этом военнослужащих и их семьи.

Как же это можно объяснить? Что за этим стояло?

И почему история нас ничему не учит?

Первые бомбежки Ленинграда

Первые дни войны запомнились жадным ожиданием информации о положении на фронте. Мы с братьями постоянно бегали к штабу. Там образовался своеобразный «майдан». Можно было услышать самые невероятные умозаключения. Сначала все ждали сообщений о быстром разгроме фашистов, поскольку этой надеждой жили все. Но вскоре начался «холодный душ»: сообщили о захвате врагом Риги, Минска, других городов и районов. Стало ясно, что немцы широким фронтом идут на Ленинград. После этих сообщений люди в унынии расходились по своим квартирам.

25 июня 1941 года Финляндия вступила в войну с Советским Союзом на стороне фашистской Германии. Об этом мы вначале узнали от военных, которые оживленно обсуждали эту новость. Вскоре на Карельском перешейке начались ожесточенные бои. Известия о них нас страшно волновали, потому что на этом направлении воевал отец, и вообще это было очень и очень близко от Ленинграда и от нас.

В эти дни по дороге мимо нашего поселка постоянно двигались в сторону фронта войска, в основном пехота и артиллерия. Затем сплошным потоком уже в обратную сторону, в Ленинград, пешком пошли беженцы, люди, сорванные войной с насиженных мест. Все они были крайне измучены. Многие женщины несли на руках маленьких детей. Из вещей – лишь небольшие узелки. Было очень жарко. Женщины нашего военного городка и мы, дети, выходили за ворота КПП, выносили бидоны с водой, поили проходивших мимо людей, расспрашивали о том, что произошло с ними.

Запомнился разговор мамы с одной семьей беженцев, женщиной средних лет, ее очень пожилой матерью и двумя дочерьми, примерно десяти и четырнадцати лет. Мама напоила их водой, извинилась, что не может пригласить к себе домой, ибо на территорию части посторонних не пускали. Рассказ этих измученных людей нас просто потряс.

Оказалось, что их поселок, который находился недалеко от Выборга, подвергся жестокой бомбардировке. Затем, при приближении финнов и немцев, когда все взрывалось и горело, в поселке наступил самый настоящей хаос. Никакой организованной эвакуации не было. Эта семья, да и другие жители, бросив все, пешком побежали куда глаза глядят, в основном в направлении Ленинграда. По пути им пришлось испытать много мучений – голод, по ночам холод, обстрелы, бомбардировки. В полном отчаянии они продолжали брести в Ленинград. После их рассказа на душе у нас стало очень тяжело, поскольку в страданиях этих людей мы почувствовали свою грядущую участь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.